

ОТНОШЕНИЯ С КРЫМОМ

Разгром крымцами сыновей Ахмат-хана изменил ситуацию на южных русских границах. С исчезновением Большой Орды союз между Россией и Крымом дал трещину. Крымское ханство пыталось распространить свое влияние на «мусульманские юрты» (ханства) Нижнего Поволжья. Польский король Сигизмунд начал войну с Россией в союзе с Крымом, Казанью и Ливонским орденом. Война была недолгой и завершилась заключением в 1508 г. «вечного мира».

Дань Орде была упразднена окончательно после «стояния на Угре». Место дани заняли «поминки», подарки крымскому хану и его сановникам. Татары явились в Европу как завоеватели, что наложило печать на их дипломатию.

Официальная переписка дает представление о дипломатии Орды и сношениях Руси с Крымом. Когда из Москвы в Крым был направлен знатный дворянин Василий Морозов, ему был дан наказ: «Если станут у него просить какой пошрины, то ему в пошрину никому ничего не давать, кроме того, что с ним послано от великого князя в поминках». Морозов строго следовал наказу. «Приехал я к воротам, — доносил он великому князю, — сошел с лошади, пошел пешком в городские ворота и вижу, что в воротах сидят все лучшие князья; они со мной карашевались по обычаю; но когда дошла очередь до Кудаяр-мурзы, то он со мною не карашевался, а сказал толмачу: “Скажи барину, что он холоп!” Толмач мне тут не сказал, а он на толмача с ножом, и толмач мне сказал у царевых дверей. Я пошел к царю и девяти (подарки) понесли за мною; тут Кудаяр-мурза отнял у подъячего шубу беличью хребтовую; как подошел я к царевым дверям, ясаулы посохи свои бросили передо мною и стали говорить толмачу: “Давай пошрины!” Я перешагнул через посохи. “Ничего, — говорю, — не ведаю”; а мурза Аппак мне сказал: “Не потакай, ступай прямо к царю”. Царь спрашивал великого князя о твоём здоровье, меня жаловал, и царевичи меня жаловали и карашеваться звали; я посольство правил, царь меня жаловал чашею и остаток подал, и царевичи жаловали, остатки подавали; потом царь, немного посидевши, велел мне чашу подать, а я чашу подал царю, царевичам и князьям, но когда дошел черед до Кудаяр-мурзы, то я начал бить челом царю на него, что холопом меня назвал и шубу отнял. “Кудаяр-мурзе, — говорил я, — чашу не подам за это: холоп я твой да брата твоего, государя великого князя Василия Ивановича”. Царь начал говорить за Кудаяра. “Мы его этим пожаловали”, — говорил царь. Я на это отвечал: “В том, государь, волен ты, вольный человек, хотя и все ему отдай”. Царь после этого меня отпустил и прислал за мною с медом, а Кудаяра, говорят, бранил и вон выслал... А царевич Ахмат-Гирей прислал ко мне дувана своего; дуван ко мне приехал, да стал браниться, говорит: “Царевич тебе приказал сказать: не додашь мне тех поминков, что мне Заболоцкий давал, и я тебя велю на

цепи к себе привести". Я ему отвечал: "Цепи твоей не боюсь, а поминков не дам, поминков у меня нет"».

Раздор между Москвой и Бахчисараем нарастал исподволь. Крымские Гирей надеялись посадить в Казани одного из членов своей династии, чему Россия противилась.

Еще в 1515 г. из Москвы в Константинополь выехал посол Коробов. Ему поручено было заключить с султаном союз против Литвы и Крыма. Он хлопотал также об отмене зауморщин, то есть права турок забирать пожитки умерших у них русских купцов. Но Коробов получил грамоту, в которой султан давал удовлетворительный ответ только относительно зауморщин.

В 1517 г. великий князь говорил с боярами, что у него нет вестей от турецкого султана, надобно бы послать к нему посла спросить о здоровье. В Турцию отправлен был дворянин Голохвастов. Москве обещали безопасную торговлю, и только.

Отказываясь заключить союз с Василием III, турки однако же запрещали крымскому хану тревожить московские владения. Султан использовал силы Крыма сообразно собственным военным планам.

Московские доброхоты писали из Азова, что султан прислал сказать хану: «Слышал я, что хочешь идти на Московскую землю; так береги свою голову, не смей ходить на московского, потому что он мне друг великий; а пойдешь на московского, так я пойду на твою землю». Хан был в гневе, потому что завершил сборы для похода на Русь.

Услышав о смерти Селима, великий князь в 1521 г. отправил в Константинополь посла Губина поздравить нового султана Сулеймана с восшествием на престол, пожаловаться на Мухаммед-Гирея крымского, а также похлопотать о заключении союза.

Губин должен был договориться с турецким правительством насчет выбора места в придонских степях в качестве места переговоров на Дону: «справились у рязанских козаков, и те объявили, что на полдороге от Азова к московским границам находится переволока; на этой переволоке (между

Доном и Волгою. — Р.С.) прибор людям астраханским, и тут посольским провожатым сходитья нельзя; надобно быть съезду на Медведице, которая ближе к великого князя украине, но всего лучше назначить съезд на Хопре». Вследствие этого показания Губин обязан был позаботиться, чтобы турки назначили съезд на Хопре или по крайней мере на Медведице. Относительно наговоров ханских Губину следовало говорить в Константинополе: «В Москве идет слух, что Магмет-Гирей писал к султану, будто Казанская земля — юрт крымский, будто государь наш велел там мечети разорить и свои христианские церкви поставить и колокола повесить; но как прежде крымцы неправыми своими умышлениями вставляли неправые слова, так и теперь не отстают от лживых слов». Губин должен был рассказать по порядку казанские дела и уверить, что мечетей не разрушают. Между тем московские приятели, норовники, продолжали извещать великого князя о наговорах ханских: по их известиям, хан дал знать султану, что Василий, как союзник персидского шаха, послал ему оружие, 30 000 пищалей.

Когда султан опять послал в Крым запрещение воевать с Москвою, то хан отвечал ему: «Не велишь мне идти ни на московского, ни на волошского, так чем же мне быть сыту и одету? А московский князь стоит на тебя заодно с Кизылбашем (персидским ханом)».

Губин привез с собой турецкого посла Скиндера, князя манкупского, который объявил, что если великий князь хочет быть с султаном в дружбе и братстве, то прислал бы к нему доброго человека для заключения крепкой дружбы и братства.

Вслед затем отправлен был в Турцию Иван Семенович Морозов; но и этот добрый человек не успел в своем поручении, не привез союзной грамоты от султана, не привез и доброго человека для заключения этого союза в Москве, но доставил некоторые любопытные известия, например: приходил к нему Андриан Грек от казначея султана Аббисалом и говорил: «Велел тебе Аббисалом говорить: наша пошлинка есть, и ты б, господин, нас не забыл, а прежние послы нам пошлину давали,

так и ты бы, господин, нас не покинул. Следует тебе оказать честь Аббисалому, потому что он у султана ближний человек и дела государские большие на нем лежат; а не почтишь его, так и дел не сделаться». Посол отвечал: «Я от своего государя послан не пошлины устанавливать: делают государские дела приказные люди не для посулов; будет нам Аббисаломова дружба и раденье, то мы против них за себя не стоим, а для государского дела мне незачем посулы давать». Андриан отвечал: «Аббисалом говорит: если меня посол почитит, то я ему от султана выберу поминки добрые, а не почитит, так я ему выберу поминки худые». Посол говорил: «Я прислан для государского дела, а не для поминков и за поминки посулов не дам». После Андриана пришел пристав и сказал: «Велел тебе султан говорить: Аббисалом у меня человек ближний, дьяк, казначей и зять, так ты для меня его почти, пошли ему что-нибудь». Посол отвечал: «Если государь говорит, то мы для государя пошлем, что у нас случится» — и послал казначею горностаевую шубу.

Монголы брали дань по праву завоевателей. Крымские притязания напоминали обыкновенное вымогательство.

Русь и Крым стояли на пороге новых столкновений.

Посол Скиндер, вновь посетивший Москву, объявил, что Саип-Гирей казанский заложился за султана, и потому Казань — юрт султанов. Ему отвечали, что Казань изначала юрт московский. Поехал Скиндер назад, на Путивль, на Крым; просился Доном, но великий князь его не пустил: прозябло слово от Скиндеровых людей и со стороны, что Скиндер послан высмотреть удобное место на Дону для построения турецкой крепости. Скиндер приезжал в третий раз в Москву для торговых дел, несмотря на то что показывал явную вражду и грозился поссорить султана с великим князем. По смерти его, случившейся в Москве, между бумагами его нашли приготовленные донесения султану. Поэтому когда пришел в Москву пленный из Азова и объявил о победе венгерского короля над турками, то великий князь очень обрадовался и велел звонить в колокола.

В сношениях со Скиндером обвинялся Максим Грек.